

порядка дня и решений предстоящего III съезда партии. Несомненно, В. И. Ленин при этом учитывал выводы статьи «Новые задачи и новые силы». В частности, формулируя в плане решений съезда мысль об идейной сути позиции меньшевиков («новоискровцы — оппортунистическое крыло партии»), В. И. Ленин, как бы противопоставляя, выделяет:

«восстание
вооружение
революционная
диктатура».⁹⁰

Эти документы, как и работа В. И. Ленина над статьей «Новые задачи и новые силы», убедительно свидетельствуют о главном в ленинском творческом, диалектически сложном процессе: постановка и раскрытие любой проблемы, любого вопроса постоянно обуславливались теми задачами, которые необходимо было решить революционному рабочему классу и его партии.

Г. Л. СОБОЛЕВ

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ СОЛДАТА (март—май 1917 г.)

«Казарма в России, — писал В. И. Ленин в 1905 г., — была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательство над человеком. И эта казарма становится очагом революции».¹ В многочисленных документах, выработанных в годы первой русской революции солдатскими массами в различных частях русской армии, содержались такие требования, которые, по выражению В. И. Ленина, «мог предъявить только солдат-гражданин»: ² право посещать в форме все собрания «наравне со всеми гражданами», свобода совести, уравнивание в правах всех национальностей, требования «человеческого обращения», отмена всякого чиновничества вне службы, отмена института денщиков, уничтожение военных судов и др.³ В ходе подъема революции 1905 г. солдатским массам удалось даже добиться осуществления некоторых из этих требо-

⁹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 317.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 112.

² Там же.

³ См.: Петров В. А. Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г. М.—Л., 1964, с. 159—309.

ваний явочным порядком.⁴ И хотя затем царская казарма восторжествовала еще более чем на 10 лет, солдаты никогда не смирились с палочной дисциплиной.

Присоединившись в дни Февральской революции к восставшим рабочим, солдаты со всей решимостью заявили о невозможности сохранения господствовавших в царской армии жестоких порядков. Однако в условиях установившегося в стране двоевластия процесс демократизации старой армии носил противоречивый характер: с одной стороны, в результате революционного натиска солдатские массы сумели осуществить ряд демократических преобразований, резко изменивших весь уклад их внутренней жизни, стали вооруженной опорой Советов; с другой — Временное правительство и поддерживавшие его соглашательские партии меньшевиков и эсеров, а также командные верхи предпринимали отчаянные попытки, чтобы затормозить процесс демократизации старой армии.

Пожалуй, наиболее яркое отражение эта тенденция нашла в так называемой «Декларации прав солдата», опубликованной как приказ военного министра А. Ф. Керенского от 11 мая 1917 г. История подготовки этого документа весьма показательна для политики Временного правительства и мелкобуржуазных партий и потому заслуживает детального изучения. В 1927 г. С. Е. Рабинович опубликовал статью, в которой указал на прямую связь «Декларации прав солдата» с постановлением общего собрания солдатской секции Петроградского Совета от 9 марта 1917 г.⁵ Но главное внимание он уделил борьбе вокруг принятия и оценки декларации. История же создания документа была обрисована в самых общих чертах, поскольку С. Е. Рабиновичу не был известен ряд существенных деталей, которыми располагает современный исследователь благодаря расшифровке и введению в научный оборот черновых записей протоколов общих собраний Петроградского Совета, его рабочей и солдатской секций. В новейшей историографии Октябрьской революции источниковедческий аспект «Декларации прав солдата» не привлекал специального внимания. Пожалуй, только И. И. Минц затронул его в своей трехтомной «Истории Великого Октября», справедливо отметив при этом: «Два месяца странствовал проект этой декларации в комиссии генерала Поливанова. То, на что так долго не решался Гучков, быстро осуществил Керенский».⁶ Однако представляется немаловажным проследить, какие же изменения претерпел этот

⁴ В декабре 1905 г. Совет депутатов от солдат красноярского гарнизона принял постановление об отмене денщиков, о вежливом обращении офицеров с солдатами, об отмене титулования офицеров и др. (Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь—декабрь 1905 г. Ч. 2. М., 1955, док. № 677).

⁵ Рабинович С. Е. Декларация прав солдата. — Пролетарская революция, 1927, № 7 (66), с. 37—54.

⁶ Минц И. И. История Великого Октября, т. 2. М., 1968, с. 374.

проект за период двухмесячных странствий, выяснить обстоятельства, в силу которых Керенский с такой легкостью согласился на принятие «Декларации прав солдата».

Вопрос об изменении правового положения солдатских масс с неизбежностью встал в первые же дни Февральской революции. Явившись 1 марта 1917 г. на заседание Петроградского Совета, солдатские представители столичного гарнизона с возмущением говорили о том, что думская Военная комиссия и офицеры стремятся взять солдат «опять в свои руки и хуже прежнего» ведут себя, пытаются оставить их по-прежнему политически бесправными.⁷ Солдаты не хотели повторения прошлого, а им было что вспомнить. «Они веками душили нас, как собак», — говорил один из ораторов об отношении командиров к солдатам.⁸ Выступавшие требовали признать солдат гражданами вне службы, вежливого обращения и отмены титулования. Представитель запасного батальона Литовского полка предложил «принять условие, [что], когда в строю, то можно командовать, но вежливо, не употреблять [выражений] с матерным жаргоном».⁹ Солдат автомобильной части Красного Креста Ю. А. Кудрявцев настаивал на отмене денщиков и отдания чести. «Мы санкционируем, мы — сила», — так мотивировал он свои предложения.¹⁰

Эти требования представителей петроградского гарнизона нашли свое отражение в Приказе № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, ставшем для всех революционных солдат руководящим началом в борьбе за демократизацию старой армии. Приказ № 1 определял новое правовое положение солдата, устанавливал новые отношения между офицерами и солдатами: «В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни, солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане».¹¹ Приказ отменял вставание во фронт и отдание чести вне службы, вместо титулования («ваше превосходительство», «ваше благородие» и т. д.) вводилось обращение «господин генерал», «господин полковник» и т. д. Запрещая грубость по отношению к солдатам, в частности обращение к ним на «ты», приказ утверждал человеческое достоинство солдата, делал его полноправным гражданином. Проведение этих радикальных мер возлагалось на выборные солдатские комитеты, наделавшиеся по Приказу № 1 широкими полномочиями.¹²

⁷ Миллер В. И. Начало демократизации старой армии в дни Февральской революции. — История СССР, 1966, № 6, с. 35.

⁸ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 73, д. 2, л. 5.

⁹ Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. М., 1974, с. 30.

¹⁰ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 73, д. 2, л. 8—9.

¹¹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 2 марта, № 3.

¹² Там же, 3 марта, № 4.

Однако Временный комитет Государственной думы и сформированное затем Временное правительство с самого начала пытались затормозить процесс демократизации старой армии, ограничить действие Приказа № 1 только рамками петроградского гарнизона. И в этом им оказали большую помощь лидеры мелкобуржуазных партий, взявшие курс на добровольную сдачу государственной власти буржуазии. Как известно, на переговорах, состоявшихся в ночь на 2 марта 1917 г. между думским комитетом и делегацией Исполкома Петроградского Совета, среди предъявленных Временному правительству требований были требования о распространении политических свобод на всех военнослужащих и об устройстве армии на началах самоуправления. В опубликованном 3 марта отчете об этих переговорах отмечалось, что требование о введении самоуправления в армии было отвергнуто Временным комитетом Государственной думы на том основании, что нельзя во время войны вводить в армии порядок, «неиспробованный ни в одной армии мира».¹³ По вопросу о распространении политических свобод на военнослужащих было принято следующее соглашение: «При сохранении строгой воинской дисциплины в строю устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам России».¹⁴ Эта формулировка почти дословно была воспроизведена в 8-м пункте декларации Временного правительства 2 марта. Однако во 2-м пункте декларации содержалось существенное разъяснение этого положения: распространение политических свобод на военнослужащих могло иметь место «в пределах, допускаемых военно-техническими условиями».¹⁵ В появившемся 3 марта заявлении Исполкома Петроградского Совета в связи с опубликованием декларации Временного правительства выражалась уверенность в том, что солдаты смогут в полной мере воспользоваться предоставленными им правами, что офицеры «будут уважать в солдате его личное и гражданское достоинство, будут бережно обращаться с чувством чести солдата».¹⁶

Между тем обращение к черновой записи протокола общего собрания Петроградского Совета от 2 марта 1917 г., на котором обсуждались итоги переговоров делегации Исполкома с думским комитетом, показывает, что эсеро-меньшевистские лидеры Совета проявили большую уступчивость, в том числе и в вопросе о демократизации старой армии. Выступавший с отчетом о переговорах Ю. М. Стеклов, касаясь предъявленных думскому комитету требований, признал, что члены Исполкома Петроградского

¹³ Там же.

¹⁴ После слов «При сохранении строгой воинской дисциплины в строю» в декларации было добавлено: «и при несении военной службы» (Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 3 марта, № 4).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Совета, «намечая эти требования, считались с тем, что думский комитет не все примет».¹⁷ Вот почему делегация Исполкома с такой легкостью согласилась на снятие требования о введении самоуправления в армии, ограничившись принятием требования об уравнивании в правах солдат со всеми гражданами России. Но в искусно составленном докладе Исполкома общему собранию Петроградского Совета 2 марта 1917 г. соглашательская позиция при обсуждении этих требований была замаскирована громкими и красивыми фразами о достигнутом успехе в переговорах по этому вопросу. Выдержка из доклада Исполкома, которую мы здесь приводим по черновой записи протокола общего собрания Петроградского Совета 2 марта 1917 г., свидетельствует об этом достаточно красноречиво.

«2. Политическая свобода во всех формах. Вы, которые задыхались [под гнетом самодержавия], нужно ли [вам] доказывать, что нужна [свобода], что [без нее нельзя] ни шагу ступить для прояснения сознания, для организации. Необходима свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек. Требуем распространить [свободы] на военнотружущих и [в том числе на находящихся] на действительной военной службе. Небывалый акт. В самых демократических республиках для солдат ограничения. Как бы ни была [развита демократия в той или иной стране, там] есть трудящиеся и высшие классы, [есть] пролетариат, который не хочет, чтобы его эксплуатировали. Рабочие организации, рабочий класс добьются того, чтобы отделить [свое влияние] на военную силу [от буржуазного влияния. Наши солдаты] ограничены в гражданстве. Ни в одной армии [к солдатам не обращаются] на „ты“. [У нас же имеется] денщик, пария на 5 лет, чтобы [заменять] няньку для собак. [Положение армии при царском самодержавии не может быть сравнено [с ее положением в других странах]. В той армии, которая не побоялась понять, что [ее выступление] — часть русской революции, посмели бы применить ограничения! Где вы были бы? Вас спасли от гибели, чтобы ограничить в политических правах. [Идет] война, солдат занят военным делом, а рабочий обязан трудиться. Почему [солдат] — пария, почему в остальной части света [этого нет? Мы] добились [принятия этих требований думским комитетом]. По другому вопросу не добились. Требовали, чтобы армия [строилась] на началах самоуправления, сами выбирали бы начальников, [создавали] союзы, корпорации. Но [предложение] ввести выборных начальников [там], где [солдаты удалили] неисправимых офицеров, [в думском комитете] отвергнуто».¹⁸

Как видно из этой выдержки, Исполком пытался создать видимость, что он добился на переговорах с думцами максимума

¹⁷ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 73, л. 3 (черновая запись протокола общего собрания Петроградского Совета 2 марта 1917 г. в расшифровке Ю. С. Токарева), л. 5 об.

¹⁸ Там же, л. 7—7 об.

возможного в вопросе о правовом положении солдат действующей армии, хотя на самом деле вожди соглашателей пошли в этом вопросе на большие уступки Временному правительству. Последовавшая далее история с изданием приказов № 2 и 3¹⁹ показала, что эсеров-меньшевистский Исполком полностью предоставил буржуазной власти решать вопрос о том, в каких пределах распространять политические права на армию в условиях военного времени.

«Согласование внутреннего порядка в войсковых частях с новыми правовыми нормами» было возложено Временным правительством на созданную в начале марта 1917 г.²⁰ специальную комиссию под председательством генерала А. А. Поливанова. О «серьезности» намерений этой комиссии можно было судить по ее первым решениям, которые легли в основу изданного 5 марта 1917 г. военным министром А. И. Гучковым «Приказа по военному ведомству № 114». Суть приказа сводилась к требованию вежливого обращения с солдатами, к отмене титулования и ряда ограничений устава внутренней службы, воспрещавшего солдатам посещение клубов и собраний, участие в политических союзах и обществах, езду в трамваях, курение на улицах и в общественных местах.²¹

Разумеется, гучковский приказ ни в коей мере не мог удовлетворить солдатские массы, требовавшие конкретизации и развития тех положений о правах солдат, которые содержались в Приказе № 1 Петроградского Совета. Даже в столичном гарнизоне, задававшем тон процессу демократизации старой армии в целом, вопрос о правовом положении военнослужащих был решен только в общем виде, поэтому сильно волновал солдат. Об этом, в частности, свидетельствовали выступления представителей воинских частей на заседании солдатской секции Петроградского Совета 4 марта 1917 г. Один из ораторов отмечал, что «многие части устранили офицеров и выбрали новых, с которыми будут бороться с нашими врагами еще лучше, чем со старыми. Но во многих частях вернулись к старому. Многие уже говорят офицерам „ваше благородие“ и слепо подчиняются их приказам. Многие товарищи не знают, как им быть».²² Прозвучавшие на этом заседании предложения о введении новых «этикетных отношений» между солдатами и офицерами со всей очевидностью показали, что солдатские массы не удовлетворятся ни к чему не обязывающими заявлениями о новом правовом положении военнослужащих.

¹⁹ См.: Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г., с. 44—53.

²⁰ Фактически Комиссия по подготовке реформ в армии приступила к работе 4 марта, а приказ военного министра А. И. Гучкова о ее создании был датирован 6 марта 1917 г.

²¹ Вестник Временного правительства, 1917, 7 марта, № 2.

²² ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 78, д. 6 (черновая запись протокола заседания солдатской секции Петроградского Совета 4 марта 1917 г. в расшифровке Ю. С. Токарева), л. 15.

щих. «Офицеры пусть [рассчитывают] на наемную прислугу, — говорил на этом заседании представитель запасного батальона Литовского полка Попов. — Кадр денщиков отпал. Кто [теперь] захочет быть [ими?]. Это остатки крепостного права».²³

6 марта солдатская секция Петроградского Совета специально рассматривала вопрос «о распространении на солдат гражданских прав». Из помещенного на следующий день в «Известиях» краткого отчета об этом заседании лишь явствовало, что Исполнительной комиссии солдатской секции было поручено представить к очередному заседанию доклад об основных гражданских правах солдат на основе высказанных предложений.²⁴ Имеющаяся в распоряжении исследователей черновая запись протокола заседания солдатской секции 6 марта дает возможность познакомиться с обсуждавшимися предложениями.²⁵

По поручению Исполнительной комиссии солдатской секции докладчиком по вопросу о гражданских правах солдат выступил всер В. Л. Утгоф, избранный ранее председателем комиссии по организации полковых и ротных комитетов. Докладчик прежде всего отметил, что, поскольку на собрании солдатских депутатов 4 марта всех интересовал вопрос о том, какие права необходимо предоставить всем солдатам армии (как в тылу, так и на фронте), Исполнительная комиссия предложила вынести этот вопрос на обсуждение солдатских представителей, «чтобы не получилось разногласий». Больше всего, конечно, эсеро-меньшевистское руководство Совета и его солдатской секции было обеспокоено тем, чтобы не было больших разногласий с Временным правительством, и поэтому стремилось всячески ограничить инициативу солдатских масс и следовать той политике, начало которой было положено на переговорах с думским комитетом в ночь на 2 марта.

В. Л. Утгоф в своем докладе утверждал, что «большая часть пожеланий [солдат] оказалась внесенной в приказ по военному ведомству № 114». Насколько это утверждение не соответствовало действительности, мы уже видели выше. Но зато оно в полной мере соответствовало политике лидеров соглашательских партий в Совете. Единственно, что не устраивало эсеро-меньшевистское руководство Совета в приказе военного министра А. И. Гучкова, так это отсутствие упоминания о Совете рабочих и солдатских депутатов. Поэтому в докладе Утгофа содержалось предложение об издании Исполкомом Совета дополнения или разъяснения к гучковскому приказу, а также о выработке проекта нового приказа, который после обсуждения в солдатской секции Совета и утверждения Исполкомом предлагалось передать «военному министру для опубликования».

²³ Там же, л. 14.

²⁴ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 7 марта, № 8.

²⁵ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 73, д. 8 (черновая запись протокола заседания солдатской секции Петроградского Совета 6 марта 1917 г. в расшифровке Ю. С. Токарева), л. 3—12.

В докладе В. Л. Утгофа были намечены и основные положения проекта нового приказа:

«1. Солдаты как граждане равны с офицерами.

2. Военскую дисциплину сохранять лишь на службе и при служебных отношениях офицеров и солдат, поскольку установленное не противоречит уставу и тем постановлениям, которые принимает СР и СД. Выше указать на существование СР и СД и что [его] постановления обязательны.

3. Вне службы все воинские чины равны.

4. [Обращение] на «ты» отменяется. Обязательное [обращение] на «вы».

5. [Вместо титулования офицеров к ним обращаться] «господин [офицер]».

6. Все оскорбительные для человека и достоинства солдата наказания отменяются. За оскорбление действием обязательное [предание] суду, строжайшее заключение на 10 лет назначать. [Установить], что телесные наказания отменяются во всей армии».

Нетрудно заметить, что изложенные положения, на которых должен был основываться проект будущего документа о правах солдат, были заимствованы или развиты на основе пунктов Приказа № 1, с той существенной разницей, что пункт 2-й о Совете отличала отнюдь не категоричная формулировка, ставившая сохранение воинской дисциплины в зависимость от устава и постановлений Совета. В целом же эти положения представляли несомненный шаг вперед по сравнению с гучковским приказом. Эсеровское руководство Исполнительной комиссии солдатской секции не могло совсем не считаться с солдатскими требованиями. В результате обсуждения доклада Утгофа солдатская секция постановила учесть при составлении проекта нового приказа о правах солдата такие важные пункты, как вопрос о денщиках, об увольнении солдат, о разрешении носить штатское платье и жить на частных квартирах, об «обязательном обучении грамоте во время прохождения солдатской службы впредь до установления общей грамотности». Последнее можно было трактовать не только как своеобразное право на образование, но и обязанность солдат повышать свой образовательный уровень.

Специальная комиссия под председательством В. Л. Утгофа должна была рассмотреть все эти предложения и представить к следующему заседанию солдатской секции окончательный вариант проекта приказа о правах солдат. На этом этапе подготовка документа шла уже в контакте с комиссией генерала А. А. Поливанова. Представитель этой комиссии полковник Генерального штаба Г. А. Якубович участвовал в заседаниях специальной комиссии солдатской секции, разрабатывавшей основные положения приказа о правах солдата.²⁶

²⁶ Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. вторая. М.—Л., 1925, с. 99—108.

Обстоятельства революционного момента и прежде всего настоячивые требования солдат заставляли спешить с подготовкой нового документа. Уже 9 марта 1917 г. этот документ под названием «Общие права солдат» был представлен от имени Исполнительной комиссии солдатской секции Совета на утверждение солдатских представителей и принят в виде «постановления общего собрания Совета солдатских депутатов от 9 марта 1917 года», которое было опубликовано 15 марта в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». Однако это постановление, принятое под напором солдатских депутатов как революционный приказ об общих правах солдата, в жизнь проведено не было. 17 марта в «Известиях» на первой полосе была помещена «важная поправка», которая гласила: «Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов доводит до всеобщего сведения, что напечатанное в № 15 на стр. 6 „Постановление общего собрания Совета солдатских депутатов от 9 марта 1917 года“ представляет лишь проект, подлежащий еще дальнейшей разработке и еще не обсуждавшийся общим собранием Совета рабочих и солдатских депутатов».²⁷ Тем самым Исполком Совета заявлял, что времена издания революционных приказов без оглядки на то, что скажет по этому поводу «законная» буржуазная власть, ушли в прошлое.

Что же изменилось за первую половину марта 1917 г.? Что заставило Исполком Совета выступить против революционной практики солдатских масс? Может быть, Временное правительство уже настолько овладело положением в стране, что могло силой остановить процесс революционного творчества рабочих и солдат? Отнюдь нет. По совпадению 9 марта, т. е. именно в тот день, когда солдатская секция приняла постановление об общих правах солдат, военный министр А. И. Гучков писал начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву: «Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, как допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках».²⁸ Но если реальное соотношение сил оставалось прежним, то позиция эсеро-меньшевистского руководства Совета за это время изменилась, что и нашло, в частности, свое отражение в солдатском вопросе.

Что же конкретно могло не устраивать эсеро-меньшевистских лидеров Исполкома Совета в постановлении солдатской секции от 9 марта и побудить их в спешном порядке выступить пуб-

²⁷ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 17 марта, № 17. — Эта немаловажная деталь, как правило, остается незамеченной исследователями.

²⁸ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957, с. 429—430.

лично с «важной поправкой»? Прежде всего то, что этот документ отражал стремление и решимость солдатских масс развивать процесс демократизации старой армии, хотя в формулировках ряда положений было заметно, что составители документа постарались смягчить солдатские требования различного рода оговорками.

Постановление об общих правах солдат, принятое 9 марта 1917 г. солдатской секцией, состояло из 6 частей, разработанных с неодинаковой степенью полноты. Первая часть документа имела 5 параграфов и определяла гражданские права солдат, конкретизируя положение Приказа № 1 о том, что военнослужащие «ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане». Она провозглашала право солдат состоять в любой политической партии, быть членом какой угодно организации, союза, общества (национальной, религиозной, экономической, профессиональной и т. д.). Солдаты получали право свободно и открыто, письменно и устно, высказывать свои взгляды. Наряду со всеми ограничениями свободы совести в воинских частях отменялась обязательная ранее общая молитва. Это положение декларации вытекало из уже существовавшей практики в петроградском гарнизоне, где полковые и батальонные комитеты в первые же дни после победы над царизмом по своей инициативе отменили общую молитву и взяли под свой контроль «отправление религиозных нужд солдат».²⁹ Упраздняялась также политическая цензура переписки и направляемых в армию печатных изданий, но военная цензура сохранялась. Солдатам и офицерам тыловых гарнизонов и частей предоставлялось право носить вне службы штатское платье.

Шесть параграфов второй части постановления регулировали взаимоотношения солдат и офицеров, развивая известные пункты Приказа № 1 и существенно дополняя туманные положения гучковского приказа № 114. «Обращение офицеров с солдатами и солдат с офицерами, — подчеркивалось в этой части, — должно соответствовать их достоинству граждан». Наряду с изъятием из обращения термина «нижний чин» и заменой его наименованием «солдат», введением упрощенной и более демократичной формы ответов начальникам, отменой отдания чести и титулования постановление упраздняло институт денщиков, но не безусловно, как того требовали солдатские представители, а только в тыловых районах. Далее же следовала оговорка: «В виде исключения в частях действующей армии и флота разрешается вступать в добровольные соглашения с солдатами своей части, желающими помогать офицерам по хозяйству, но не иначе, как за плату по соглашению, и не более одного на офицера». Мы еще увидим, как эта поправка, будучи заново отредактированной и дополненной в приказе военного министра А. Ф. Керенского, фактически сведет на

²⁹ См.: Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году. Л., 1973, с. 188—197.

нет это завоевание солдат. Постановление еще раз напоминало о необходимости соблюдения офицерами и солдатами взаимной вежливости, запрещало обращение на «ты».

Третья часть постановления утверждала за солдатами «право внутренней организации», т. е. право избирать в частях свои комитеты. Но принципы внутренней организации, права и обязанности солдатских комитетов в этом документе раскрыты не были, так как разрабатывавшийся в солдатской секции проект положения о ротных и полковых комитетах еще не был тогда готов. а его многие положения вызывали сильные возражения со стороны солдатских депутатов.

В четвертой части рассматривался вопрос о наказаниях и взысканиях в армии. Отныне солдат мог быть наказан только в судебном порядке, что ликвидировало право командиров налагать на солдат взыскания по их собственному усмотрению. Отменялись все наказания, оскорблявшие честь и унижавшие достоинство солдата, прежде всего телесные наказания. «Ни один случай применения телесного наказания не должен оставаться безнаказанным, — гласил один из пунктов этой части. — Всякий офицер, отдавший со дня распубликования настоящего приказа распоряжение о телесном наказании солдата, должен быть, независимо от чина, предан суду по обвинению в истязании подчиненного и немедленно отстранен от должности».

Пятая часть содержала лишь пункт о том, что проверка в воинских частях проводится по утрам, хотя, по всей видимости, эта часть должна была определить правила внутреннего распорядка в целом, но сформулировать эти правила на основе практики петроградского гарнизона, где внутренний распорядок в каждом полку и батальоне устанавливался комитетами этих частей, представлялось делом весьма затруднительным.

В шестой, заключительной части подтверждалось, что правила воинской дисциплины, как они изложены в уставах внутренней службы, дисциплинарном и строевом, сохраняются лишь на службе и в служебных отношениях. Статьи же этих уставов и всех без исключения приказов, приказаний и распоряжений, противоречившие постановлению солдатской секции от 9 марта, приказам и распоряжениям Совета рабочих и солдатских депутатов, отменялись. Это важное положение было сформулировано здесь более четко, чем во 2-м пункте рекомендаций по составлению приказа о правах солдата, содержащихся в докладе В. Л. Утгофа на заседании солдатской секции 6 марта. Оно было сформулировано определенно в пользу приоритета распоряжений Совета над статьями военных уставов, хотя специального упоминания о руководящей роли Советов в организации солдатских масс в этом документе не было. Высказанное на заседании солдатской секции 6 марта пожелание о том, чтобы особо выделить пункт об обязательности постановлений Совета, также оказалось нереализованным. И тем не менее следует признать, что постановление солдатской секции от 9 марта

означало новый, существенный шаг на пути демократизации старой армии, продолжало, хотя и в более умеренном духе, линию Приказа № 1, предлагало целую систему мер, осуществление которых никак не связывалось с их одобрением буржуазной властью и военным командованием. Не случайно этот документ был задуман как приказ, что и нашло свое отражение в ряде пунктов постановления солдатской секции от 9 марта. А это уже противоречило политике эсеро-меньшевистских лидеров Исполкома Петроградского Совета, осуществлявших сдачу государственной власти Временному правительству и уступавших одну позицию за другой, завоеванные революционным творчеством масс. Вот почему постановлению солдатской секции от 9 марта суждено было стать не революционным приказом «Об общих правах солдат», а проектом приказа военного министра А. Ф. Керенского, в котором многие первоначальные положения были изменены до неузнаваемости.

Разработанный в солдатской секции документ вместо обещанного Исполкомом Совета обсуждения на пленарном заседании Совета был направлен в комиссию генерала А. А. Поливанова, где совместно с представителями соглашателей началась работа по его «улучшению». На заседании солдатской секции Совета 17 апреля В. Л. Утгоф информировал представителей воинских частей петроградского гарнизона о том, как идет подготовка «приказа о правах солдата» в комиссии Поливанова. Для того чтобы показать, как вводились в заблуждение солдатские депутаты в данном случае, приведем здесь (по черновой записи протокола заседания солдатской секции 17 апреля) наиболее существенную часть выступления В. Л. Утгофа: «Больше всего вызвали прений пункты об отдавании чести и о денщиках. Вопрос об увольнении со двора после долгих споров решен так: уходить имеет право всякий, не назначенный на работы в наряды, но должен получить увольнительную записку. Вопрос о выборе и отводе офицеров тоже решен в благоприятном для солдат смысле. Дана гарантия и против злоупотреблений офицеров».³⁰

Пункта о выборе и отводе офицеров не было в документе, принятом солдатской секцией 9 марта, он был добавлен позднее вместо исключенного положения о необходимости соответствия статей военных уставов распоряжениям и приказам Совета и сформулирован, как мы увидим далее, отнюдь не в «благоприятном для солдат смысле», точно так же, как и другие пункты, о которых говорил В. Л. Утгоф.

В конце апреля 1917 г. комиссия Поливанова передала проект приказа о правах солдата на рассмотрение командных верхов. 2—4 мая 1917 г. он обсуждался на совещании главнокомандующих фронтами совместно с представителями Временного правительства и Исполкома Петроградского Совета. М. И. Скобелев и

³⁰ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 73, д. 24, л. 1—5.

И. Г. Церетели пытались убедить недовольных и прямолинейных генералов в том, что политика Совета тоже направлена на продолжение войны и что представленный на их рассмотрение документ о правах солдат совсем не носит радикального характера, как это может показаться на первый взгляд. Резюмируя итоги обсуждения, А. Ф. Керенский говорил о том, что «цели и стремления» собравшихся «одни и те же».³¹

11 мая 1917 г. военный министр А. Ф. Керенский подписал приказ об основных правах военнослужащих, претенциозно названный затем «Декларацией прав солдата».

Принятие «Декларации прав солдата», опубликованной 14 мая 1917 г. в центральных газетах и перепечатанной затем местной прессой, было одной из первых крупных пропагандистских акций не только военного «министра-революционера» Керенского, но и коалиционного правительства в целом. Буржуазная и мелкобуржуазная печать начала восторженно рекламировать декларацию как «крупную победу демократии». Кадетская «Речь» писала, что этот документ представляет собой акт раскрепощения солдата «от оков старого режима» и выводит его «из затхлой атмосферы прежней казармы на свежий воздух свободы».³² Исполком Петроградского Совета опубликовал в связи с декларацией специальное воззвание, начинавшееся высокопарной фразой: «Два месяца мы ждали того дня, когда права, добытые нами революционным путем, получают силу закона, обязательного для всех военнослужащих».³³

В какой же мере в действительности нашли свое отражение в приказе военного министра права, добытые революционным путем и получившие затем свое закрепление в документах революционных организаций и предложениях солдатских депутатов? Некоторые пункты «Декларации прав солдата» свидетельствовали о том, что Временное правительство в ряде случаев было вынуждено согласиться с тем, что уже было введено в армии явочным порядком и что было предложено в постановлении солдатской секции Петроградского Совета от 9 марта «Об общих правах солдата». В декларации объявлялось, что военнослужащие получают все права граждан, могут состоять членами любой политической организации, свободно высказывать свои политические, религиозные и прочие взгляды. Отменялись также все оскорбительные наказания солдат, а право налагать дисциплинарные взыскания переходило от офицеров к ротным и полковым судам. Упразднялось также обязательное отдавание чести.

Но и эти вынужденные уступки сопровождались многочисленными разъяснениями, примечаниями, исключениями, позволявшими свести на нет провозглашенные права и весьма красноре-

³¹ См.: Рабинович С. Е. Борьба за армию в 1917 г., с. 72.

³² Речь, 1917, 14 мая, № 109.

³³ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 14 мая, № 66.

чиво свидетельствовавшими о негативном отношении буржуазной власти к процессу демократизации русской армии. Не случайно в приказе военного министра от 11 мая 1917 г. подчеркивалось, что объявленные права военнослужащих согласованы со 2-м пунктом декларации Временного правительства от 2 марта 1917 г.

Сравнение основных положений постановления солдатской секции Петроградского Совета от 9 марта с тем, как они были изложены, дополнены и разъяснены в 18 пунктах приказа военного министра от 11 мая, не оставляет сомнения в том, что в основу «Декларации прав солдата» был положен принцип ограничения и свертывания революционного творчества в армии:

Постановление общего собрания
Совета солдатских депутатов
от 9 марта 1917 г.

Приказ военного министра
А. Ф. Керенского
от 11 мая 1917 г.

Солдаты пользуются «всеми правами граждан».

Каждый солдат имеет право свободно и открыто высказывать и исповедовать устно, письменно или печатно свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды.

Обращение офицеров с солдатами и солдат с офицерами должно соответствовать их достоинству граждан.

Институт денщиков отменяется:

а) в частях войск, не входящих в состав действующей армии, безусловно и со дня распубликования настоящего приказа;

б) в виде исключения в частях действующей армии и флота разрешается вступать в добровольные соглашения с солдатами своей части, желающими помогать офицерам по хозяйству, но не иначе как за плату по соглашению, и не более одного на офицера.

Солдат не может быть подвергнут наказанию или взысканию без суда.

1. Все военнослужащие пользуются всеми правами граждан. Но при этом каждый военнослужащий обязан строго согласовать свое поведение с требованиями военной службы и воинской дисциплины.]

3. Каждый военнослужащий во внеслужебное время имеет право свободно и открыто высказывать и исповедовать устно, письменно или печатно свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды.

8. Взаимоотношения военнослужащих должны основываться при строгом соблюдении воинской дисциплины на чувстве достоинства граждан свободной России и на взаимном доверии, уважении и вежливости.

10. Назначение солдат в денщики отменяется. Как исключение в действующей армии и флоте, в крепостных районах, в лагерях, на кораблях и на маневрах, а также на окраинах, в тех местностях, в которых нет возможности нанять прислугу (в последнем случае невозможность этого определяется полковым комитетом), офицерам, военным врачам, военным чиновникам и духовенству разрешается иметь вестового для личных услуг, назначаемого по обоюдному соглашению вестового лица, к которому он назначается, с платой также по соглашению, но не более одного вестового на каждого из помянутых чинов.

14. Никто из военнослужащих не может быть подвергнут наказанию или взысканию без суда. Но в боевой

Правила воинской дисциплины и порядка, как они изложены в уставах внутренней службы, дисциплинарном и строевом, сохраняются лишь на службе и в служебных отношениях подчиненных и начальников. Статьи этих уставов и всех без исключения приказов, приказаний, распоряжений и объявлений, противоречащие положениям настоящего приказа и приказам или распоряжениям Совета рабочих и солдатских депутатов, относящимся к правам и обязанностям солдат, отменяются.

обстановке начальник имеет право под своей личной ответственностью принимать все меры, до применения вооруженной силы включительно, против неисполняющих его приказаний подчиненных. Эти меры не считаются дисциплинарными взысканиями.

18. Право назначения на должности и в указанных законом случаях временного отстранения начальников всех степеней от должности принадлежит исключительно начальникам. Точно так же они одни имеют право отдавать распоряжения, касающиеся боевой деятельности и боевой подготовки части, ее обучения, специальных ее работ, инспекторской и хозяйственной частей. Право же внутреннего самоуправления, наложения наказаний и контроля в точно определенных случаях (приказы по военному ведомству 16 апреля с. г. № 213 и 8 мая с. г. № 274) принадлежит выборным войсковым организациям, комитетам и судам.

Из сравнения текстов видно, что комиссия Поливанова внесла довольно существенные коррективы в первоначальный проект приказа «Об общих правах солдат», изменив многие положения этого документа до неузнаваемости. Имевшиеся в 1-м, 3-м, 8-м, 10-м, 14-м, 18-м и других пунктах приказа от 11 мая дополнения и уточнения о необходимости строгого согласования поведения солдат с требованиями военной службы и воинской дисциплины, о праве военнослужащих высказывать свои взгляды «во внеслужебное время», о праве начальника «в боевой обстановке» принимать меры, не считавшиеся дисциплинарным взысканием, имели своей целью узаконить введение «железной дисциплины», с помощью которой Временное правительство и командные верхи надеялись остановить процесс демократизации русской армии и овладеть положением как в тылу, так и на фронте. С наибольшей откровенностью свидетельствовал об этом 18-й пункт приказа, категорически отвергавший принцип выборности в армии и предоставлявший право назначения и смещения с должностей «исключительно начальникам». Заключительный пункт приказа был вставлен вместо содержавшегося в постановлении солдатской секции Петроградского Совета от 9 марта положения о том, что статьи военных уставов, которые не соответствуют распоряжениям и приказам Совета, отменяются. Приказом же Керенского делалась недвусмысленная попытка окончательно отменить «законным путем» власть Совета над армией, — власть, которую эсеро-меньшевистские лидеры стали уступать еще в марте 1917 г.

Важную роль в разъяснении истинного смысла «Декларации прав солдата» сыграла партия большевиков, которая рекомендовала солдатам внимательно изучить этот документ, «не соблазняясь красивыми фразами».³⁴ Большевики выступили против тех пунктов приказа Керенского, которые, как писала «Правда», превращали его в «декларацию бесправия».³⁵ 23 мая состоялось общее собрание Военной организации при ЦК РСДРП(б), на котором присутствовали представители от многих частей петроградского гарнизона. Информировав собравшихся о настроении в частях в связи с опубликованием приказа военного министра, солдаты-большевики указывали на возмущение солдат многими положениями этого приказа и их желание организовать демонстрацию протеста.³⁶ Состоявшаяся в июне 1917 г. Всероссийская конференция фронтовых и тыловых организаций РСДРП(б), обсудив «Декларацию прав солдата», отметила, что «в основных своих положениях в целом ряде важнейших пунктов она является на деле декларацией бесправия солдат».³⁷

Таким образом, в истории подготовки и принятия «Декларации прав солдата» ярко проявилось стремление эсеро-меньшевистского руководства Советов и Временного правительства действовать сообща против революционной инициативы масс. Многие антидемократические пункты этого документа помогали солдатам отчетливее уяснить этот факт, яснее понять, что осуществление коренных демократических преобразований было невозможно при сохранении власти буржуазии.

А. П. КУПАЙГОРОДСКАЯ

ЛИСТОВКИ ПОЛИТОТДЕЛА 7-й АРМИИ (1919 г.)

Большевистские листовки, адресованные бойцам Красной Армии, гражданскому населению, солдатам белых войск и интервентам, являются ценным историческим источником. Они отражают различные стороны политической обстановки, идеологической борьбы, экономического положения, хода военных действий на фронтах гражданской войны, деятельности большевистской партии. Листовки дают особенно богатый материал для изучения содержания и методов агитационно-пропагандистской работы, проводившейся партийными организациями. Все это в полной

³⁴ Правда, 1917, 16 мая, № 58.

³⁵ Там же.

³⁶ Революционное движение в России в мае—июне 1917 г. Июньская демонстрация. М., 1959, с. 483—484, 610—611.

³⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I. М., 1954, с. 360.